

Наталья Маренина

Козьявка

Часть 1

Наталья Маренина

Козьявка. Часть 1

«Издательские решения»

Маренина Н.

Козьявка. Часть 1 / Н. Маренина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748348-7

«Не большой мир страшит тебя <...>, а маленький мир, что внутри тебя» («Бесплодные земли», С. Кинг). Возможно, эта сказка будет интересна тем, чей внутренний мир не может прийти в гармонию с внешним.

ISBN 978-5-44-748348-7

© Маренина Н.
© Издательские решения

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Козьявка

Часть 1

Наталья Маренина

© Наталья Маренина, 2016

© Amanda Cass, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-8348-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Привет, меня зовут Козьявка. Ха, да, вот так просто и смешно. Я маленькая девочка в розовых сапожках, цветном плащике. В одной руке у меня красный, в белый горошек зонтик, в другой руке – конфетка. Я потерялась. Я потерялась очень давно. Произошло непоправимое – я погибла. Совершенно случайно я убежала от родителей, я была непослушной девочкой и попала под машину.

Где я теперь? Застряла между мирами. Почему? Не знаю. Мне сказали, у меня, как и у остальных застрявших здесь, есть цель, задача. Мы спасаем самоубийц.

Я уже неплохо соображаю, ведь по человеческим меркам я здесь не первый год. То есть, внешне я не взрослею, я всегда буду Козьявкой. Но внутри я уже взрослый человек. Мы не растём, ведь мы не живые. Мы похожи на полупрозрачные сущности, которые не до конца растаяли, и в них осталось немного человеческого обличья.

Больше мне нечего о себе рассказать: я знаю не больше вашего. Когда я попала сюда, то совсем ничего не помнила. Даже про то, что меня сбила машина, мне рассказал дядька (один из нас), который случайно оказался по (ту) сторонним свидетелем этого безобразия. Он не мог меня спасти, это не его работа. Это работа другого типа сущностей – хранителей. Да-да, типа ангелов-хранителей. Только они вовсе не ангелы, это просто их работа.

Вот вы, наверняка, не раз задавались вопросом: «Что потом? Куда попадает человек после смерти?». Я не знаю ответа. Но я знаю, что часть людей действительно попадает в какой-то иной мир, а часть попадает в пространство между мирами. В том, другом мире, я тоже никогда не была и даже не знаю, что он из себя представляет. Никто не знает, кроме главных из нас, но они никогда не рассказывают и не отвечают на вопросы. Кстати, вот что у меня осталось от маленькой девочки! Я навсегда осталась «почемучкой». Забавно? Ничего подобного. Это щекочущее чувство, когда где-то то ли чешется, то ли зудит. Так и хочется узнать и спросить кого-то: «А что это? А это что? А вот это? А почему так?». Мне попадает за это, кто-то меня не любит за это, кто-то просто терпит. За надоедливость мне и дали имя – Козьявка.

Сначала меня никак не звали. Меня вообще не звали, я сама пришла. Такая маленькая, они все не понимали, почему я, такая мулюпусенькая, попала к ним, что со мной дальше делать. Признаться, я и об этом пыталась выпросить. Всё, что удалось узнать – это то, что я рекордно маленький человечек, попавший к ним. Уж не знаю, что я такого успела натворить!

Вот вчера, например, подхожу я к дяде Базилио. Говорю, точнее, как всегда, спрашиваю:

– Дядя Базилио, а почему я такая маленькая сюда попала?

А он говорит:

– Ты вредная, ты уже 100 раз меня об этом спрашивала, да и всех ты об этом раз 100—200 спрашивала, а может и больше. Не знаю я, я не знаю, я знаю не, не я знаю.

– А кто?

– Не знаю я, Козьявка, ничегошеньки не знаю.

– Ну, вот ты почему сюда попал, дядя Базилио?

– Я... Жить не хотел, малышка.

– А зачем?

– Жить неумоготу было...

– Как это неумоготу жить? Разве жить надо мочь? Я думала, просто живут и всё.

– Нет, милая, жить не просто мочь надо, жить уметь надо.

– Разве это занятие какое-нибудь? Дышишь себе, ешь, спишь. Чего тут уметь-то?

– Глупая ты ещё! Уйди, не мешай, видишь, я за парнем слежу?

– За каким ещё парнем?

– А вон, смотри, тоже жить не хочет.

– Да!? Это же нехорошо! Ты ему поможешь?

Дядя Базилио засмеялся, прищурил глаза и погладил себя по животу-пузырю. Мне всегда казалось, что у него в животе пусто, как в пузыре.

– Конечно, помогу. Я для того тут и поставлен, следить за такими глупыми. Ай, подожди! Не отвлекай. Ответственный момент. Смотри, ему сейчас девушка позвонит и прощения попросит.

Мы пристально следили, как парень, истекая соплями, готовится отбросить коньки. Тут у него звонит мобильник. Парень игнорирует звонок. Дядя Базилио начинает нервничать.

– Ну, что же ты! Трубку бери, бери трубку, кому говорю!

Наконец, парень, лезет в карман джинсов, достаёт мобильник, нажимает на кнопку «Принять вызов». Ещё секунд через 5 мы видим на его лице спасение, облегчение, блаженство. Такое лицо было бы, если бы он ногу в раскалённых углях держал, а после звонка в ледяную воду опустил. Болезненное облегчение на его сопливым лице.

– Терпеть не могу, когда эти балбесы так пугают, – дядя Базилио вытер пот со лба и с тем же облегчением присел на стул.

– Драматичка пауза.

– Чего?

– Драматичка пауза, я говорю, – я стояла, сунув одну руку в карман плащика, а второй ковырялась в носу.

– Фу, ты чего делаешь? Некрасиво как. Ты же девочка.

– А он взрослый парень, а жизнью разбрасывается, идиот.

– У него были на то свои причины, – дядя Базилио принялся защищать сопливого. Даже подался телом вперёд, расправил плечи, будто заслоняя собой. Тоже мне, пузатый защитник.

– У меня тоже есть причины в носу ковыряться. А у него какие? Глупости это всё. Пока можешь дышать и ходить, живи.

– Почему сразу ходить? У некоторых людей нет ног, и они же живут.

– Вот видишь! Даже ходить не надо уметь. Дыши себе на здоровье. Хотя, конечно, с необязательностью умения ходить я бы поспорила. Вот зацементируют мужику ноги в тазике и в пруд бросят. Ходить мужик не может, дышать тоже уже не особо получается, вот и помер. – Хорошо мне рассуждать о ногах в тазике с цементом, разворачивая шоколадную конфету.

– Где ты всё время конфеты берёшь? И зачем они тебе, мы же не едим? – Дядя Базилио спросил, не глядя на меня.

– Не знаю, подкладывает кто-то. Как ни суну руку в левый карман – там всегда конфета лежит. А ем, потому что хочется.

Он уже не слушал меня и листал какие-то тетради.

– Что ты делаешь, дядя Базилио?

– Ищу, чем ещё парню помочь.

– А зачем?

– Ну как. Это моя работа, избавить парня от необходимости накладывать на себя руки.

– Он на себя наложил, когда убить себя захотел.

– В кого ты такая грубая, Козьявка?

– Сама не знаю. Может, в тебя?

– Нет. Уж точно не в меня. Я может и не добряк, но и не вредный, как ты.

– Ну так и как же ты ему ещё поможешь?

– Есть одна идея. Работу хорошую подкину, карьерный рост.

– Чавоооо!?! Это значит вот так делается, да? Кто-то пашет всю жизнь, спину горбатит, мужа-инвалида на себе тащит, детей растит, и подумать не смеет о том, чтобы всё бросить и коньки откинуть, а в итоге ничего – до самой смерти нищета, недолюбленность и слёзы в три ручья. А вот этому, значит, прыщу смазливому стоит трагическую сцену разыграть, и нате вам невеста и приданое?!

– С ума сошла, мелкая!? Пошла вон отсюда. Иди-иди, говорю.

Вот таким у нас был разговор с дядькой. Противный, так ведь?

Так я и не узнала у него тогда, как я тут оказалась, такая маленькая. С этим же вопросом я как-то ходила к старейшине нашему, одному из многих, конечно. Пришла. Он сидит, угрюмый такой, в кресле на выступе, как на троне. Облокотился, лицо на руку положил и сидит, думу думает. Я подошла, на коленку вскарабкалась, сижу, молчу. Он тоже сидит, молчит, на меня не смотрит. Я вздыхать начала. Он – ноль внимания. Всё глубже и громче вздыхаю. Уже так вздохнула, будто у меня гора невымытой засохшей посуды, горячую воду отключили, а мыть всё равно придётся. Лицо несчастное сделала, попой поёрзала (говорят, ремня просит).

– Да вижу я тебя, вижу, – наконец, соизволил обратить на меня внимание старейшина. – Опять «почему»?

– Угу.

– Ну, рассказывай.

– Вот смотри. Вы тут все такие типа самоубийцы в отставке, да? А я-то как затесалась среди вас? Как я могла в 3 с половиной года самоубийство совершить? Ошибка что ли?

– Чего не знаю, Козьявка, того не знаю.

– Ну, ты же старейшина, сделай что-нибудь, узнай у кого-нибудь, выпроси.

– Не принято в этих мирах вопросы задавать. Мы сюда приходим и с самого начала знаем свою работу. С первого же дня мы начинаем самоубийц спасать. Кого не спасём (редкость, конечно), но всё же, кого не спасём, тот сюда попадает и тот же час начинает нам помогать исполнять свой долг.

– А кто вам велит спасать?

– Хммм... Ну... Да никто не велит. Где-то заложено это в нас, что мы спасать должны самоубийц.

– Кем заложено?

– Не знаю.

– А во мне почему не заложено?

– Как? А ты что, не помогаешь?

– Нет. А чево?

– Не «чево», а «что». Я думал, ты тоже работаешь. А что же ты делаешь целыми днями, если не работаешь?

– Вам надоедаю.

– Справедливо... А попробовать поработать не хочешь?

– Отчего же, можно. Веди меня, старче, на моё рабочее место.

– Болтушка. Завтра придёшь, покажу, как это делается.

Не скажу, что с нетерпением ждала завтра. Всего лишь простояла всю ночь у дверей в зал старейшины. Он ночью выходил куда-то, меня как увидел, аж подпрыгнул, говорит:

– Ты что тут всю ночь стояла?

– Угу-у-у, – последнюю букву я растянула громким зевком, как львиным рыком.

– Завтра работать не сможешь. Иди спи.

Конечно, я не послушалась. Но у двери вздремнула. Утром ни свет, ни заря, начала ломиться в дверь к старейшине. Он вышел сонный и в халате.

– Ты хоть спала?

– Конечно! Спрашиваешь. Ну, давай. Где мой кабинет?

– С Базилио поработаешь.

– С этим пузырьём? А что, больше никого не осталось?

– То есть?

– Ну, я же заметила, что отсюда «супермены» тоже куда-то исчезают.

– Ты откуда это узнала?

– Заметила. Я же тут всех знаю. А иногда приходишь к кому-то в гости, а там вместо него уже другой сидит.

– Ты многовато знаешь и зря везде свой нос суёшь, – старейшина нахмурил брови, но злиться у него никак не получалось. Неумеха. – А знаешь, что странно?

– Не знаю. Что? – я с любопытством посмотрела на старейшину. В кой-то веке и меня о чём-то спросили.

– Что у тебя зова нет.

– Эт ещё что такое? Ты объясни, может, есть. Я, например, зонтик редко открываю, может, у меня там уже зова вырос.

– Да не зова, а зов. Я тебе вчера об этом говорил. Когда мы сюда попадаем, у нас сразу же есть желание спасти всех-всех самоубийц и не дать им умереть – это и есть зов.

– Глупость какая. Конечно, у меня такого нет. Я, может, и маленькая, зато поумнее вас буду.

– Думаешь?

– Конечно. Я что глупая, запрещать им делать то, что они хотят.

У старейшины даже брови до затылка задрались. Он испугался и рот мне ладошкой прикрыл.

– Ты так не говори, ладно?

– Почему?

– Не почему. Просто не говори. Мы им нужны, мы должны их спасать. Им горе глаза застилает, вот они и не видят со своей точки зрения, что им дальше жить надо.

– Надо? Вот вы смешные. Дядя Базилио говорит, что жить мочь и уметь надо. А ты говоришь, что жить надо. Кому надо-то?

– Людям.

– Если они сами хотят, зачем их спасать? Вот представь, если бы существовали такие как мы, только запрещали бы они не самоубийства совершать, а вредную еду есть. Вот подносит человек ко рту ложку с острой какой-нибудь китайской лапшой, а ты хрясь! по ложке со всей своей мудрости!

– Болтушка. Ты вообще странная, ты знаешь об этом?

– Это вы здесь все странные, я нормальная.

– Но ты будто не должна быть здесь. Чёрт знает, как ты сюда попала.

– Он не знает, а то я бы уже расспросами его заколебала.

– Это точно.

Мы, наконец, дошли до дома дяди Базилио. В окнах, несмотря на то, что время утро, горел свет. Дядя Базилио, как всегда, заработался до глубокой ночи и уснул за столом, перед экраном, не выключив свет. Старейшина робко постучал ногтями в дверь. Секунд 15 мы молча стояли, дверь никто не открывал, и вообще, как будто вымерли там все. Я постучала розо-

вым сапожком по двери. На двери остался грязный след, на улице после дождя довольно сыро и грязно.

– Кто?

– Старейшина Брагул.

– А, заходи, открыто.

Старейшина хотел войти первым, но я растолкала его, пробежала в комнату и плюхнулась на диван.

– Эй, опять ты? Сапоги грязныеними! – Дядя Базилио был сонным, но уже готовым взбодриться и столкнуть меня с белого дивана. – Ты зачем её привёл? Она вредная, ужас.

– Помощницу я тебе привёл. – Старейшина виновато сдвинул жиденькие бровки и также виновато улыбнулся.

– Помощницу? Геморрой ты мне на задницу привёл.

– Не ругайся, она ещё маленькая.

– В прошлый раз ты был более гостепе... гостепер..гостеприёмным, – встряла я, но меня не слышали.

– Она маленькая проблема на малюсенькой заднице.

– Прекрати ругаться.

– Ладно, что делать надо?

– Научи работать. Покажи, как это делается. А я пошёл, у меня дел много.

– Ну ты и жук, Брагул. Отомщу на выборах старейшин.

Но старейшина уже не слышал, он стремительно удалялся из квартиры Базилио.

– Ладно, сапогиними, зонтик на вешалку повесь, плащ туда же. И к экрану иди, только не трогайничего. Я пока кофе сделаю.

– Ты же сам говорил, что нам не нужна еда.

– Привычка, жив был – без кофе проснуться не мог. Сюда попал, мало что из жизни помню, а привычка осталась.

– Ладно, иди, делай свой кофе.

Дядя Базилио уже с кухни прокричал: «Тольконичего не трогай».

Но я уже нажимала на все кнопки подряд, что встречались мне на пути. Так я закрыла и открыла шторы-жалюзи, выключила свет, включила и выключила музыку, TV, и, кажется, даже стиральную машинку.

Я сидела и смотрела, что происходит на экране, когда дядя Базилио с кружкой в руках подошёл и встал у меня за спиной.

– Что думаешь об этом?

На экране была девушка, сидящая на полу. Она не плакала, но у неё было лицо мертвеца. В руке – тест на беременность, справа от неё на полу телефон. Она смотрела в одну точку на белых обоях – когда-то на этом месте торчал гвоздик, а теперь осталась только дырка в обоях от него. Это был чей-то чужой «вызов».

– Принято уже, да? – спросил Базилио, с хрюканьем втягивая в себя горячий кофе.

– Угу.

– Предысторию видела?

– Угу.

– Что думаешь об этом?

– Не знаю. Дура.

– Почему?

– Влюбилась в парня, которому не нужна, ждёт теперь от него ребёнка, а он от них отказался. Вот сидит и переваривает мысль о самоубийстве.

– Любовь сложное чувство.

– Оно как-то мешает жить?

– Нет, но из-за него люди бывают готовы на отчаянные поступки.

– Это не отчаянный поступок, а глупый.

– Да что ты понимаешь, мелкая? – похоже, он психанул, так как стукнул кружкой об стол и кофе расплескалось. А может, просто неаккуратный. – Ты ещё мало что понимаешь, тебе нельзя тут работать.

– Почему?

– Всё почему да почему! Нельзя и всё. Надо чувствовать то же, что и эти люди. Почему думаешь спасителями самоубийц становятся самоубийцы? Потому что только они понимают чувства этих людей, но они смотрят со стороны, поэтому могут принимать адекватные решения и могут помочь.

– Ну да! Извини, что мне не понять, почему они все пытаются себя убить! Я-то умерла не по собственной воле! – наверное, глаза у меня были как два скользких сырых шарика слёз, потому что Базилио кинулся меня утешать, хотя и было видно, что чувство отцовства ему незнакомо, он не знал, как ко мне подступиться и что сделать.

– Ну, прости меня, маленькая. Хочешь кофе?

– Дурак. Какой ещё кофе. – Я спрыгнула с высокого рабочего кресла, добежала до вешалки, сунула руку в левый карман плащика и извлекла конфету. Я поспешно сунула конфету в рот и кинула фантик в угол комнаты. Там валялось уже 3 моих фантика с прошлого раза.

– Невоспитанная. Подметать заставлю! – наблюдал за мной из комнаты Базилио и ворчал, но всё ещё снисходительным тоном.

– Я ещё маленькая, чтобы подметать.

– А вот чтобы языком молоть, уже большая, – проворчал он себе под нос.

– С бабулей хочу повидаться.

– Опять!? Она же тебя всё равно не видит.

– Зато я вижу.

– Ладно, сюда иди, только скорее, работа не ждёт.

Я подбежала, встала к дяде Базилио спиной и немного подняла руки. Он ловко схватил меня за подмышки и усадил на одно колено. Мягкая коленка и мягкое пузо. Потом одной рукой он быстро набрал какие-то символы на экране, и появилась картинка. Бабушка сидит на лавке в парке и читает газету. Светло, тепло, спокойно.

– Почему ты всё время просишь её показать? Разве ты помнишь её?

– Неа.

– Тогда кто она такая?

– Откуда я знаю! А ещё меня «почемучкой» обзываете.

– Ты что просишь показывать тебе незнакомую бабульку!?

– Почему сразу незнакомую! А вдруг знакомую. Я просто не помню, откуда я её помню.

– Логично, типа.

Я болтала ногами, держала пальчик во рту и разглядывала бабульку.

- Что она читает? Что за газета?
- Вот ты смешная, откуда я знаю.
- Приблизь.
- Не командуй тут, мелкая, а то пулей вылетишь.
- Пули не летают, как и люди.
- Тогда что они, по-твоему, делают, пули-то?
- Падают. Просто медленно падают, под маленьким углом падают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.